

Михаил Люстров. Придворная карьера барона Шредера: шведские фантазии и российская реальность	297
Алексей Балакин. Гончаров и семья Ординых (новые материалы)	306
Кирилл Зубков. «Обломовщина»: рецепция романа и история слова	318
Мария Куриленко. «Дон Жуан в Египте» Н. С. Гумилева: комментарий к пьесе	341
Александр Кобринский. Александр Туфанов в издательстве «Прибой»: заметки к биографии	349
Юлия Козицкая. «Казахский Маяковский» Сабит Муканов: комментарий к одному стихотворению	363
Анна Рассадина. «Про дурачка» Егора Летова: мотивный анализ синтетического текста	376
Указатель имен	387
Указатель статей, опубликованных в журнале «Летняя школа по русской литературе» в 2017 году	401

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Тираж 500 экз.

2017 XIII (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2017 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

Сдано в печать 22 января 2018 года

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2017

© «Летняя школа по русской литературе», 2017

Информация об авторах

Михаил Люстров, доктор филологических наук, профессор РАН, заведующий отделом древнеславянских литератур Института мировой литературы РАН, Москва, Россия
mlustrov@mail.ru

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
balakin@inbox.ru

Кирилл Зубков, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета; младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
k_zubkov@inbox.ru

Мария Куриленко, магистрант Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, Россия
mashatext@yandex.ru

Александр Кобринский, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
444-44-4@list.ru

Юлия Козицкая, аспирант национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
julia.murafa@gmail.com

Анна Рассадина, магистрант Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия
annetrassadina13@mail.ru

КИРИЛЛ ЗУБКОВ
(Санкт-Петербург)

«ОБЛОМОВЩИНА»: РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА И ИСТОРИЯ СЛОВА

Статья посвящена истории слова «обломовщина» от его возникновения в романе Гончарова до распространения в литературной критике.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, история слов, литературная критика, канонизация.

The article concerns the history of the word «oblomovism» from its first appearance in the novel by Goncharov to its wide circulation on literary criticism.

Keywords: I. A. Goncharov, history of words, literary criticism, literary canon.

«Обломовщина», несомненно, самое знаменитое гончаровское слово. В настоящий момент шлейф значений, тянущийся за ним, столь обширен, что становится непросто говорить о первоначальном его смысле: исследователю приходится с трудом «забывать» о многочисленных трактовках «обломовщины». В статье мы попытаемся рассмотреть рецепцию романа Гончарова сквозь призму истории этого слова и показать, как авторы разных эпох, переосмысляя одно из ключевых выражений романа, относились к специфике гончаровского романа и его места в литературе. В качестве материала привлекаются как известные литературно-критические статьи, во многом задавшие ракурс осмысления понятия «обломовщина», так и впервые систематически анализируемый массив более поздних текстов, преимущественно газетных заметок, вышедших к юбилеям писателя и годовщинам со дня его смерти. Эти заметки позволяют установить, как «Обломов» трактовался не только ключевыми критиками эпохи, но и менее известными авторами, представляющими «средний» уровень прочтения романа. Другим аспектом исследования станет исходное, гончаровское понимание «об-

ломовщины», которое, как мы покажем, значительно шире, чем большинство известных трактовок.

Семантике слова «обломовщина» посвящено две важных словарных статьи. Одна из них опубликована в «Литературной энциклопедии» и основана на предпосылке, что «обломовщина» — это обозначение конкретного социально-экономического факта, которое в принципе нетрудно определить: это «отображенное Гончаровым явление помещичьего строя эпохи распада крепостничества в России», связанное с именем главного героя, который характеризуется как человек «старого патриархально-поместного уклада».¹ Соответственно споры вокруг «обломовщины» автор статьи определяет как «классовую борьбу вокруг пережитков крепостничества», т. е. как результат идеологического конфликта, понятого по Марксу. В русле истории идей написана вторая, относительно недавняя работа, авторы которой склонны понимать «обломовщину» как некий идейно-психологический комплекс, реализующийся в самые разные исторические эпохи.² При этом «обломовщина» определяется одновременно как черта и русского дворянства, и славянской психологии вообще и как общечеловеческая ценность. Авторы статьи исходят из того, что существует некое, пусть и не всегда легко уловимое, единое значение слова «обломовщина», которое только в разных источниках отражается отдельными сторонами. Такая трактовка, как увидим ниже, уже высказывавшаяся в 1900-х годах, исходит из того, что слово отражает некоторое в целом ясное явление. В этом она подобна «марксистской» статье В. Архангельского.

Слово «обломовщина» в разных текстах, включая собственно роман Гончарова, едва ли обозначало некое единое явление: разные авторы не просто не сходились в оценках «обломовщины» — они не были согласны по поводу самой ее фундаментальной природы. В этой связи проблему представляет сам статус этого слова. С одной стороны, «обломовщину» можно было бы назвать «образом» или «символом». С другой

¹ Архангельский В. Обломовщина // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8. Стлб. 165–172.

² См.: В. О., W. Sz. [Olaszek B., Szczukin W.] См.: Обломовщина // Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia. Łódź, 2000. Т. 3. С. 282–288.

стороны, в романе она вводится как абстрактное понятие, придуманное одним из героев, причем трудно соотнести «обломовщину» с каким бы то ни было конкретным содержанием.

Слово «обломовщина» образовано по достаточно популярной в русском языке модели, которая определенно была знакома Гончарову благодаря его ученику и другу критику В. Н. Майкову, неоднократно употреблявшему в своих статьях слово «маниловщина».¹ Роман Гончарова, еще не получивший окончательного заглавия, некоторое время был известен в литературных кругах под названием «Обломовщина».² Хотя Гончаров в итоге выбрал для своего произведения другое заглавие, само выражение «обломовщина» играет в романе значимую роль. В окончательном тексте «Обломова» это слово употребляется 16 раз, причем очень часто — в ключевых моментах, таких как принципиальный разговор главного героя со Штольцем (ч. 2, гл. IV), последнее объяснение Обломова с Ольгой Ильинской (ч. 3, гл. XI), визит Штольца к Обломовым, когда выясняются отношения главного героя с Агафьей Матвеевной Пшеницыной (ч. 4, гл. IX), эпилог (ч. 4, гл. XI).

«Обломовщина» впервые упоминается в романе как определение жизни, о которой мечтает главный герой, причем определение далеко не одобрительное: произносящий это

¹ См. его статьи «Стихотворения Кольцова...», «Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым» (обе — 1846), «Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя „Мертвые души“» (1847). Во второй из названных статей Майков рассуждает о связи между особенностями типизации в литературном произведении и возможностью образовать то или иное слово от фамилии его героя: «С Петром Ивановичем Шляпкиным, как с личностью, вы, конечно, никогда не познакомитесь: это не то что какой-нибудь господин Голядкин-старший, который так же выразителен и вместе с тем так же общ, как какой-нибудь Чичиков или Манилов. Голядкиными называете вы большую часть ваших знакомых, а подчас и себя; от фамилии Голядкин вы не могли не произвести прилагательного *голядкинский*; наконец, теперь вам досадно, зачем так нескладно выходит существительное, в котором у вас есть насущная потребность и которое соответствовало бы существительным *чичиковщина, маниловщина*» (Майков В. Н. Литературная критика. Статьи, рецензии / Сост., подг. текста, вступ. ст. и прим. Ю. С. Сорокина. Л., 1985. С. 261).

² См. письмо Е. А. Колбасина И. С. Тургеневу от 2 декабря 1856 года: Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930. С. 303.

слово Штольц очень скептически воспринимает поэтические мечты Обломова. Сам поиск подходящего слова Гончаровым изображается как сложный и болезненный: «Автор и его герои на первых порах как бы ищут это многозначимое обобщающее слово, которое было бы способно определить и озарить сокровенную сущность того, что составляет пафос всей жизни Ильи Ильича». ¹ При этом Штольц, при всей точности своих суждений, не пытается определить смысл своего выражения. Непроясненность значения слова не мешает ему производить сильный эффект: «Слово „обломовщина“, не без труда найденное Штольцем, буквально ошеломило мечтателя и „поэта жизни“ Обломова, увидевшего в нем не иронию, не просто меткое суждение, а грозное предупреждение, клеймо и приговор. И далее в романе многократно обращается пристальное внимание на счастливо найденное слово, хотя лаконичного и четкого разъяснения его не дается даже в финале». ² Как «клеймо» Штольц использует слово «обломовщина» и далее, лаконично опровергая все предположения Обломова о собственных жизненных целях. Желание «удалиться потом на покой, отдохнуть» в глазах Штольца — «деревенская обломовщина», стремление «достигнуть службой значения и положения в обществе и потом в почетном бездействии наслаждаться заслуженным отдыхом...» — «петербургская обломовщина». ³ Тем же словом Штольц определяет и нынешнее положение Обломова (с. 185).

В романе читателю предлагается понятие, которое легко было соотнести с современными проблемами России. А. Г. Цейтлин заметил, что слово «обломовщина» «проходит через его <романа. — К. З.> текст как лейтмотив, который все время ориентирует читателя в направлении производимой Гончаровым типизации, представляя собою фокус многочисленных лучей, направленных на одну из важных „болезней“ старой России». ⁴ В действительности, однако,

¹ Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962. С. 83.

² Туниманов В. А. «Обломовщина» и «шигалевщина» // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2003. № 18. С. 96.

³ Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2000. Т. 4. С. 182. Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁴ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 369.

«обломовщину», как она описана в романе, можно соотнести едва ли не с каждой из российских «болезней», о которых часто писали русские журналы и газеты во времена Гончарова. Потрясение Обломова после беседы со Штольцем трактуется поначалу скорее комически: роковое слово «снилось ему ночью, написанное огнем на стенах, как Бальтазару на пиру» (с. 185). Разумеется, сопоставление Обломова с описанным в библейской книге пророка Даниила вавилонским царем, увидевшим загадочную надпись на стене накануне падения своего царства и собственной гибели, сугубо иронично. Хотя и в шутильной форме, это сопоставление подчеркивает неопостижимость значения слова «обломовщина».¹ Другая важная особенность «обломовщины», проявляющаяся в той же сцене, — заразительность этого слова: Обломов уже сам подходит к своей и чужой жизни со стороны, увидев «обломовщину» во взгляде Захара (с. 185). Обломов и Захар эмоционально реагируют на придуманное Штольцем слово: первому оно кажется «ядовитым», второму — «жалким» (с. 212). Тем же словом «обломовщина» заканчивается последний разговор Обломова и Ольги: главный герой романа дает именно такое имя «злу», которое «сгубило» его (с. 371). «Обломовщина» здесь обретает значительно более серьезные обертоны. Тем же выражением Штольц обозначает и семейную жизнь Обломова (с. 484), которая вскоре после этого приводит героя к смерти. Наконец, в завершающем романе разговоре Штольца с литератором друг Обломова уже уверенно называет «обломовщину» причиной, по которой «пропал», несмотря на свои многочисленные достоинства, Обломов (с. 493).

Значение слова «обломовщина» не просто не проясняется в романе — эта непроясненность и является важнейшим компонентом значения. Такое понятие явно было очень злободневно в России второй половины 1850-х годов — эпохи, когда русская печать посвящала огромные усилия поиску общественных проблем, приведших к поражению в Крым-

¹ Впрочем, по наблюдению Р. Писа, этот эпизод в контексте романа значим, поскольку эпизод, где главный герой бессознательно пишет «ядовитое» слово «обломовщина», перекликается со сценой, где Обломов точно так же выводит имя Ольги (с. 212; также см.: *Peace R. A. Oblomov: A Critical Examination of Goncharov's Novel*. Birmingham, 1991. P. 40).

ской войне и необходимости глобальных реформ. В романе «обломовщина» открывается только трезвому и внимательному взгляду со стороны, причем носителем этого взгляда может быть и «обломовец», и человек совершенно другого мировоззрения. Она может возникнуть в столице и провинции, в мечте и в действительности, в жизни слуги и барина, нести трагический и комический оттенок. «Обломовщина» проявляется в бытовых мелочах, однако служит причиной самых разнообразных неудобств и бед — от грязи в комнате до гибели прекрасного человека. Использование в романе нарочито неясного слова «обломовщина» провоцировало читателей романа к поиску причин и истоков «болезней». Именно оно немедленно привлекло к себе внимание критиков, применивших его к российскому обществу. Вопреки восходящим к Белинскому характеристикам специфики гончаровского творчества как интуитивного, «обломовщина» не представляет собою «образ» — у Гончарова это скорее требующее рациональной трактовки понятие, использующееся в самых разных целях. Именно это качество сделало слово «обломовщина» очень удобным для переосмысления. Слово выполняет функции, отчасти схожие с основными понятиями в языке Нового времени: это «собираательные понятия, очень общие и многозначные», которые «могут применяться по-разному, даже в противоположных смыслах, в зависимости от классовой принадлежности и интересов говорящих».¹

Особенно многозначным становится значение «обломовщины», когда этим словом начинают пользоваться критики. В условиях, когда цензура не всегда позволяла авторам употреблять слова наподобие «сословие» или «нация», предложенные литературой формулировки могли отчасти заменить их. Споры о значении слова «обломовщина» не только отражали определенные общественные процессы, но и до некоторой степени детерминировали, каким образом участники этих процессов осмыслили свою деятельность: литература и критика создавали язык, на котором преподаватели, публицисты и многие другие авторы всевозможных

¹ Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избр. статьи: В 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 30.

текстов могли бы рассуждать о литературе и социальной действительности.

Наиболее успешным из интерпретаторов «обломовщины» был Н. А. Добролюбов, трактовавший ее как социально-политическое понятие. Именно это слово он вынес в заглавие своей статьи «Что такое обломовщина?» (1859), посвященной преимущественно уяснению природы «обломовщины» как общественного недуга, поразившего Россию. Как и у Гончарова, «обломовщина» у Добролюбова выступает в роли своеобразного ярлыка, которым можно определить самые разнообразные феномены. Добролюбов исходит из того, что она пронизывает русскую жизнь и может встречаться в непохожих друг на друга людях. Рефреном через его статью проходят слова: «та же обломовщина...»,¹ относящиеся к самым разным героям русской литературы, от пушкинского Евгения Онегина до тургеневского Рудина. В «обломовцы» Добролюбов записывает представителей не только многих эпох и психологических типов, но и общественных групп, с которыми могли соотноситься «баре»: недовольных общественной жизнью страны, но не готовых лично содействовать переменам «помещика», «чиновника», «офицера» и «образованных людей».² В этом стремлении найти «обломовщину» в самых разных профессиональных группах Добролюбов близок к гончаровским героям. Однако добролюбовская трактовка понятия предполагает, что причина «обломовщины» — российское «барство», т. е. помещичий уклад жизни, определяющий господствующие в стране порядки.

Литературные критики, даже полемически настроенные по отношению к Добролюбову, также отталкивались от его трактовки «обломовщины». Именно они создали в противовес понятой по Добролюбову «обломовщине» слово «штольцевщина». Ап. Григорьев в статье «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“. Письма к Г. Г. А. К. Б.» (1859) рассуждал о «Сне Обломова», который он считал несправедливой критикой родной «почвы», опре-

¹ См.: Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сб. статей / Сост., автор вступ. ст. и комм. М. В. Отрадин. Л., 1991. С. 49–50.

² Там же. С. 62.

деляемой скорее в национальных категориях: «Для чего же поднят весь этот мир, для чего объективно изображен он с его настоящим и с его преданиями? Для того, чтоб надругаться над ним <...> во имя татарско-немецкого воззрения Штольца <...> Для чего в самом „Сне“ — неприятно резкая струя иронии в отношении к тому, что все-таки выше штольцевщины <...>?»¹

К пониманию «обломовщины» как скорее национального — и притом не отрицательного — явления обращался в своей известной рецензии (1859) А. В. Дружинин, когда заявлял: «Обломова изучил и узнал целый народ, по преимуществу богатый обломовщиной, — и мало того, что узнал, но полюбил его всем сердцем, потому что невозможно узнать Обломова и не полюбить его глубоко».² Несколько менее резко сформулировал ту же трактовку «обломовщины» Н. Д. Ахшарумов, автор еще одной рецензии на роман (1860). Критик, также достаточно высоко оценивший «обломовщину», отнес к ее жертвам даже Штольца: «Расходясь с Обломовым как чистейшее его отрицание, Штолец совершает гигантские подвиги, проходит моря и горы, а оканчивает все-таки тем, что приходит к прототипу *обломовщины*, то есть к такому положению в жизни, в котором остается только *жить-поживать да детей наживать*».³ В этой трактовке, как и в романе Гончарова, угроза «обломовщины» распространяется даже на самых, казалось бы, не подверженных ей людей. Ахшарумов склонен трактовать «обломовщину» как явление национальное, причем сближает ее с содержанием образа самого главного героя — хотя в романе Гончарова главный герой и названное его именем понятие далеко не совпадают, что видно хотя бы из негативного отношения Обломова к «обломовщине».

Конфликтующие понимания «обломовщины», предложенные литературной критикой, предполагали совершенно различные взгляды на соотношение истории и литературы.

¹ Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967. С. 329.

² Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. С. 112. О дружининской трактовке «обломовщины» см.: Краснощекова Е. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 350–351.

³ Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. С. 160.

Добролюбов моделировал ситуацию, в которой литературное произведение жестко привязано к конкретному моменту в общественно-политическом развитии страны. Созданное писателем слово, по Добролюбову, ценно постольку, поскольку позволяет оценивать чиновников или офицеров. Литературное произведение воспринимается или как отражение, или как продолжение социальных процессов, но полностью лишается всякого внутреннего содержания, т. е. автономного значения. «Национальное» понимание «обломовщины» предполагает совершенно иное отношение к социально-исторической действительности. Акцент здесь делается на «вечных» или, по крайней мере, с трудом поддающихся изменению явлениях. В этих условиях литература уже не обладает способностью активно воздействовать на текущие общественные процессы, зато наделяется неким вневременным действием. По словам Дружинина, «сильный поэт есть постоянный просветитель своего края, просветитель тем более драгоценный, что он никогда не научит худому, никогда не даст нам правды, которая неполна и со временем может стать неправдою».¹

Литературная критика повлияла на более поздние суждения самого Гончарова об «обломовщине». В письме П. В. Анненкову от 20 мая 1859 года он полностью согласился с добролюбовской трактовкой этого понятия, хотя и намекал, что содержание романа этой трактовкой исчерпывается не вполне: «Взгляните, пожалуйста, статью Добролюбова об „Обломове“: мне кажется, об обломовщине, то есть о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя. <...> После этой статьи критику остается — чтоб не повториться — или задаться порицанием, или, оставя собственно обломовщину в стороне, говорить о женщинах».² В воспоминаниях «На

¹ Там же. С. 108–109.

² Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 323. Анненков, вопреки совету писателя, также анализировал «обломовщину». В статье «Г-н Помяловский» (1863) критик высказал парадоксальное предположение, что и «апатия», и «судорожная» деятельность главного героя тургеневских «Отцов и детей» (1862) порождены ненормальным положением российского общества: «Слова — „обломовщина“ и „базаровщина“ — выражают одно и то же представление, одну и ту же идею, представленную талантливыми авторами с двух противоположных сторон» (Анненков П. В. Критические очерки. СПб., 2000. С. 264).

родине» Гончаров утверждает, что провинциальная жизнь его детства и молодости, полная «беззаботного житья-бытья, безделья и лежання», навела его на мысли об «обломовщине». ¹ Однако в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879) Гончаров писал об «обломовщине» уже как о черте не только общественной, но и национальной: «...изображая лень и апатию во всей ее широте и закоренелости, как стихийную русскую черту, и только одно это, я, выставив рядом русского же, как образец энергии, знания, труда, вообще всякой силы, впал бы в некоторое противоречие с самим собою, то есть с своей задачей — изображать застой, сон, неподвижность <...> причины этого порядка дел истекают все из той же *обломовщины* (между прочим, из крепостного права), главный мотив которой набросан мною в „Сне Обломова“». ² В «Необыкновенной истории» выражается автобиографическое понимание «обломовщины», которое, впрочем, почти никак не повлияло на употребление этого выражения другими авторами: «...я наказан за *небрежность* к своему таланту, за лень вообще, за праздношатание в молодости, вместо того, чтобы учиться и писать (ведь и все у нас так воспитывались, учились, росли и жили, как я, что я и старался показать в «обломовщине»)»... ³ Впрочем, готовый заметить «обломовщину» в себе, Гончаров довольно скептически относится к способности стороннего наблюдателя отделить «обломовские» черты от свойств талантливого человека: «Моей мечтой была (не молчалинская, а горацянская) умеренность, кусок независимого хлеба, перо и тесный кружок самых близких приятелей. Это впоследствии назвали во мне „обломовщиной“»; «Вот какая моя обломовщина! Она есть если не у всех, то у многих писателей, художников, ученых!» ⁴

Именно дискуссии в литературной критике во многом определили первые словарные трактовки «обломовщины». Скорее в добролюбковском значении слово «обломовщина»

¹ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 7. С. 242.

² Там же. Т. 8. С. 80–81.

³ Гончаров И. А. Необыкновенная история // Литературное наследство. М., 2000. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 250.

⁴ Там же. С. 259, 261.

вошло во второй том «Толкового словаря живого великорусского языка» (1865) В. И. Даля: «русская вялость, лень, косность; равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости; привычка ожидать всего от других, а ничего от себя; непризнание за собою никаких мирских обязанностей».¹ В дальнейшем составители многочисленных толковых словарей и словарей крылатых слов, за редкими исключениями, следовали за Далем, воспроизводя добролюбовское понимание «обломовщины». Реже словарные определения указывают на ее национальное значение: «апатия, тяжеловесная сонливость русской природы и недостаток в ней внутреннего подъема».²

Хотя к понятию «обломовщина» обращались многие критики XIX века, принципиально новых его пониманий они не высказали. По сути, истолкования «обломовщины» остались в рамках добролюбовской трактовки романа и полемичного по отношению к нему мнения о национальном характере этого явления. Для стремившихся отказаться от дихотомии «художественной» и «реальной» критики авторов конца столетия, таких как И. Ф. Анненский и Д. С. Мережковский, это понятие оказалось в целом непродуктивным и редко упоминается в их сочинениях. Зато в это же время слово «обломовщина» вышло за пределы литературного сообщества и стало крайне широко распространенным. Такая «демократизация», конечно, повлияла и на семантику слова. Не в последнюю очередь это произошло благодаря включению гончаровского романа в школьную программу.

«Обломовщина» была очень удобным словом для преподавания романа Гончарова: это понятие позволяло дать точное и понятное определение многим проблемам «Обломова» и свести содержание гончаровского романа к изображению одного явления, пусть сложного, но поддающегося локали-

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 614; см.: *Васильева С. А.* Что такое «обломовщина»? // *Обломов. Константы и переменные: Сб. науч. статей / Сост. С. В. Денисенко.* СПб., 2011. С. 229–234.

² *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. СПб., 1902. Т. 1. С. 721.

зации и потому легко обсуждаемого. Способность слова «обломовщина» употребляться в качестве «ярлыка» оказалась здесь очень полезной. В первых учебных пособиях, где речь заходит о романе Гончарова, «обломовщина» упоминается, причем в добролюбовском духе: *«Обломов и Захар серьезно указывают нам жизненные следствия крепостного права, и тысячи самых разнообразных характеров разных времен нашей истории объясняются обломовщиною»*.¹ Однако чрезмерно радикальная трактовка Добролюбова для школьного преподавания оказалась неприемлемой. Намного более удобный метод предложил Д. Н. Овсяннико-Куликовский немедленно после включения «Обломова» в программу гимназий в 1903/1904 учебном году. В его «Истории русской интеллигенции» (т. 1, 1906) была дана трактовка, объединявшая добролюбовское и «почвенническое» понимание «обломовщины» как двух разных уровней, допустимых при ее трактовке: обломовщина «оказывается двоякою: 1) обломовщиною бытовою, дореформенною, крепостническою, которая для нас — уже прошлое, и 2) обломовщиною психологическою, не упраздненной вместе с крепостным правом и продолжающеюся при новых порядках и условиях».² Историк литературы явно считал намного более значимой вторую, «психологическую» сторону явления. В этом аспекте «обломовщина» воспринималась им как «болезнь национальной психики» — «извращение национальных функций мысли и действия под влиянием дефектов классовой психологии».³ В обращении к проблемам национального характера исследователь скорее следовал за Дружининым и «почвеннически» настроенными оппонентами Добролюбова, хотя приписывал именно более авторитетному Добролюбову взгляд на «обломовщину» как на проявление *«национального психического склада»*.⁴ В отличие от Дружинина, Овсяннико-Куликовский считал

¹ Пособие при преподавании истории русской словесности / Сост. Е. Судовщиков. Киев, 1863. С. 94. Курсив здесь и далее принадлежит авторам цитируемых работ.

² Цит. по: Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 232.

³ Там же. С. 250.

⁴ Там же. С. 245.

«обломовщину» сугубо отрицательным явлением. Основное содержание этой «болезни» он понимал как паралич воли,¹ «боязнь жизни и перемен» и «психологический консерватизм».² Овсяннико-Куликовский соединил с анализом «обломовщины» своеобразную теорию национальной психологии, где «обломовщина» выступала примером искажения и доведения до крайности нормальной, естественной черты, присущей русскому народу.

Эта концепция далеко не во всем соответствовала тексту романа, хотя бы в силу того, что «обломовщина» в ней, с одной стороны, максимально отделена от конкретных гончаровских образов (ближайшим аналогом Обломова для Овсяннико-Куликовского становится Кутузов из «Войны и мира»), а с другой стороны, не оставляет места для неопределенности значения, характерной для гончаровского понимания «обломовщины». При этом позиция исследователя была не лишена неточностей: осталось неясным, как относится к «обломовщине» сам автор романа, насколько это явление способно изменяться с течением времени, обладает ли оно значением, не сводящимся к выражению исторических и национальных черт. Все эти проблемы, впрочем, были решены авторами школьных учебников, создавшими непротиворечивую трактовку романа, где «общечеловеческий», «вневременной» аспект «обломовщины» и Обломова противостоял национальному, причем если первый воспринимался как положительный, то второй — как изображение присущих русскому народу недостатков.³

Трактовка «обломовщины» в работах Овсяннико-Куликовского, таким образом, подходила для преподавания произведений Гончарова в школах, что, конечно, способствовало ее популярности. Разумеется, эта концепция опирается на известную романтическую схему, согласно которой гениальный писатель неизбежно выражает дух времени и народа, который, в свою очередь, служит единственной возможной

¹ Там же. С. 243.

² Там же. С. 261.

³ См.: Зубков К. Ю. Лакуны учебника: роман «Обломов» в средней школе // Русская литература. 2012. № 2. С. 43–44.

формой воплощения общечеловечески значимого идеала. Эта эстетическая модель в России существовала со времен Белинского¹ и на уровне «школьного» прочтения романа осталась в целом мало поколебленной. Даже радикальный подход Добролюбова к проблеме «обломовщины» не смог оказать на нее существенного влияния и, напротив, был с легкостью интегрирован в эту общую концепцию. Соответственно, стоявшее за ней понимание литературы оказалось ближе к тому, что заявлял Дружинин: целью разборов Овсяннико-Куликовского и многих его современников стало увидеть «вечное» содержание сквозь «временную» форму. Критика должна была как бы поддерживать традицию литературы, усматривая в ее произведениях постоянно актуальный смысл, трансцендирующий историческое время.

Судя по юбилейной литературе 1912 года, упрощенная для школы трактовка Овсяннико-Куликовского восторжествовала. Именно «обломовщина» оказалась наиболее востребованным в этой литературе понятием, которое трактовалось в рамках диалектики «вневременного» и «временного» аспектов, предложенной Овсяннико-Куликовским: «...большинство критиков и историков литературы начала века рассматривали обломовщину как явление национальное. Для них спорным был лишь вопрос: умерла она с отменой крепостнических порядков или перешагнула в XX век?»² Неслучайно именно Овсяннико-Куликовский выступал с речью во время юбилейных торжеств в Академии наук 15 апреля 1912 года. В своей речи он опять подчеркнул национальный характер «обломовщины».³

В юбилейной статье того же автора можно было познаться с новой интерпретацией прежней проблематики: теперь Гончаров был скорее не критиком, а «поэтом обломовщины».⁴ В отличие от своей же более ранней работы,

¹ Terras V. Belinskij and Russian Literary Criticism. The Heritage of Organic Aesthetics. Madison, 1974. P. 92–125.

² Отрадин М. В. Гончаров в юбилейной литературе 1912 года // Литературное наследство. Т. 102. С. 653.

³ См.: Петербургский листок. 1912. № 103. 16 апр.

⁴ См.: Овсяннико-Куликовский Д. Н. Поэт обломовщины // Неделя «Современного слова». 1912. № 216. 28 мая. С. 1817–1820.

Овсяннико-Куликовский не старался подчеркнуть отрицательные черты «обломовщины». На эту статью опирались многочисленные авторы юбилейных публикаций, дословно или близко к тексту повторившие формулу Овсяннико-Куликовского и прямо ссылавшиеся на него. В их статьях «обломовщина» предстала однозначно современным явлением: в число «обломовцев» своего времени авторы юбилейных публикаций записали, например, заглавного героя скандального романа М. П. Арцыбашева «Санин». ¹ Гончарова даже упрекали в слишком благожелательном отношении к «обломовщине», ² хотя в его романе она нигде не упоминается как положительное явление. Иногда, впрочем, неспособность точно определить свое отношение к «обломовщине» объявлялась свойством не Гончарова, а самих обломовцев, отождествляемых с современными жителями России: «Нам дорог Гончаров, который плюнул в глаза нам и сказал: — Эх, обломовщина!» ³

Господство трактовки Овсяннико-Куликовского связано как с ее удобством для школьного преподавания, так и с историческим контекстом: «Движение истории <...> все более склоняло критиков к дискуссии о национальной и общечеловеческой сущности обломовщины...» ⁴ Даже оппоненты исследователя следовали его логике. Так, критик народнической ориентации В. П. Кранихфельд утверждал, что «обломовщина» сводится к наследию крепостного права и уже отошла в прошлое: «Для нас очевидно, что <...> мы имели дело с психологией одного только определенного класса и лишь в определенный момент его исторической жизни». ⁵ Вопреки Добролюбову, утверждавшему, что «обломовщина» присуща не только непосредственно владельцам крепостных

¹ См.: *Топ-ский*. Современная обломовщина. (По поводу чествования Академией наук И. А. Гончарова) // *Волянь*. 1912. № 114. 26 апр.

² См.: *Лесной А.* Творец «обломовщины» // *Поволжский вестник*. 1912. № 1764. 6 июня.

³ *Новый [Виноградов С. В.] Певец обломовщины* // *Оренбургская газета*. 1912. № 124. 6 июня.

⁴ *Краснощечкова Е. А.* Иван Александрович Гончаров. С. 351.

⁵ *Кранихфельд В. П.* И. А. Гончаров // *Современный мир*. 1912. № 6. С. 317.

крестьян, и в полном соответствии с идеями Овсяннико-Куликовского, Кранихфельд пришел к выводу, что «обломовщина» в ее социальном значении относится к прошлому и более не актуальна.

Другая, значительно менее популярная трактовка понятия «обломовщина» была связана с ее определением как явления скорее биологического. Р. В. Иванов-Разумник утверждал, что под этим понятием скрываются «растительная жизнь», «пассивность, переходящая в апатию».¹ Именно эта «растительность», по мысли Иванова-Разумника, удерживает Обломова от окончательного превращения в «мещанина», т. е. человека, совершенно чуждого любой творческой деятельности, созданию чего бы то ни было нового. Истоки «обломовщины» критик подробно не разбирал, однако, судя по всему, видел их скорее не в общественных условиях или национальном темпераменте, а в природных свойствах личности главного героя романа. Схожего мнения придерживался Ю. И. Айхенвальд, в «Силуэтах русских писателей» заметивший: «Гончаровская обломовщина не тонка, она имеет слишком физиологический характер, и автор заручился даже медицинским свидетельством о болезни Обломова, об отолщении его сердца».²

«Биологическая» трактовка «обломовщины» выражала иное понимание роли литературы в социальной действительности. Гончаровский роман сторонниками такого подхода не воспринимался как значимый; тем не менее полностью отрицать его связи с современностью, институционально закрепленные в школьном и университетском преподавании и в многочисленных переизданиях и научных исследованиях Гончарова, было невозможно. Не желая объявлять Гончарова автором актуальным в общественном или тем более национальном смысле, ее сторонники полагали, что в образах героев «Обломова», напротив, выражаются как бы до-социальные особенности человека. В начале XX века

¹ *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. Изд. 3-е. СПб., 1911. Т. 1. С. 212.

² *Айхенвальд Ю. И.* Гончаров // Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья: Сб. документов и материалов. М., 2012. С. 141.

именно «биологическое» знание о человеке казалось альтернативой романтической концепции писателя как выразителя духа эпохи и нации.

Поворотными для истории истолкования «обломовщины» оказались революционные события 1917 года и Гражданская война. Социальные противоречия, оказавшись очень острыми, даже через десятилетия после отмены крепостного права не давали критикам относиться к «обломовщине» как к явлению далекого прошлого. Актуализации «обломовщины» способствовал тот факт, что это понятие употреблял в своих работах В. И. Ленин. В его речи «О международном и внутреннем положении Советской республики» (1922) образ главного героя гончаровского романа использовался в рамках добролюбовского метода поиска «обломовых»: ¹ «...Россия проделала три революции, а все же Обломы остались, т. к. Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист». ² При этом Ленин, как и сам Обломов, и Добролюбов, стремился искать «обломовщину» в первую очередь у «своих», т. е. в большевистской партии. В своем выступлении на XI съезде РКП(б) он рассуждал, «сколько еще у нас обломовщины, за которую нас еще неминуемо будут бить». ³ Сочинения Ленина, которого, конечно, сам по себе роман Гончарова не интересовал, были приняты в качестве руководства к истолкованию и преподаванию «Обломова», ⁴ а также к описанию словарного значения «обломовщины». ⁵ Напротив, теория национального смысла «обломовщины» была приписана Н. И. Бухарину и постоянно характеризовалась как знак его «враждебного» статуса,

¹ См.: *Туниманов В. А.* «Обломовщина» и «шигалевищина» С. 97–98.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1970. Т. 45. С. 13.

³ Там же. С. 91.

⁴ См., например: *Перцов В.* «Что такое обломовщина?» К семидесятой годовщине смерти Н. А. Добролюбова // Литературная газета. 1931. № 64. 27 нояб.; *Нечкина М. В.* Ленин об обломовщине // Правда. 1937. № 165. 17 июня; Программы средней школы. Русский язык и литературное чтение (V–VII классы). Литература (VIII–X классы). Доп., испр. изд. М., 1938. С. 47.

⁵ См. указанную выше статью В. Архангельского в «Литературной энциклопедии».

хотя суждения Бухарина по содержанию не отличались от ленинских.¹ Очевидно, речь не шла о конкретном содержании высказываний Ленина, тем более что они не противоречили даже взаимно исключающим трактовкам Гончарова.

Общей чертой разнообразных интерпретаций «обломовщины» 1920-х годов оказывается ее привязка к социальным конфликтам. Так, В. Ф. Переверзев в статье «Социальный генезис обломовщины» (1925) понимал ее как свойство не помещицкой, а буржуазной жизни, как «чистый продукт медлительного темпа докапиталистической жизни и значительной имущественной обеспеченности», «первобытное состояние патриархально-буржуазного бытия».² Не согласный с ним Н. К. Пиксанов, напротив, придерживался скорее «добролюбовского» убеждения, что «обломовщина» связана с крепостничеством.³

В 1930-х годах, после разгрома «переверзевщины»,⁴ дискуссии об «обломовщине» сходят на нет: их место занимает эмоциональная риторика, содержащая повторяющиеся призывы к «верному» пониманию этого явления. Это понимание, судя по всему, для большинства авторов означало не ту или иную конкретную трактовку понятия, а использование выражения «обломовщина» для поиска «обломовых» в окружающей жизни. «Обломовщина» одновременно определялась и очень узко, как «косность и лень крепостников»,⁵ и максимально широко, как «глубокое обобщение застоя, отсталости, мечтательного ничегонеделания, пассивности, выросших на почве крепостного права, и в более широком

¹ См.: *Богданов К. А.* Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009. С. 303–304 (прим. 478); *Платт Дж. Б.* Здравствуй, Пушкин!: Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб., 2017. С. 95.

² *Переверзев В. Ф.* У истоков русского реализма. М., 1989. С. 675, 683.

³ См.: *Пиксанов Н. К.* Обломовщина // Гончаров И. А. Обломов. М.; Л., 1927. С. 3–37.

⁴ См.: *Ленерт Х.* Судьба социологического направления в советской науке о литературе и становление соцреалистического канона: «Переверзевщина» / «Вульгарный социологизм» // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 320–338.

⁵ *Рыбасов А. П.* Страстный обличитель обломовщины // Ленинградская правда. 1937. № 138. 17 июня.

смысле — на почве эксплуатации человека человеком».¹ Поскольку значение «обломовщины» становилось все менее и менее определенным, круг «обломовых» все расширялся. Показательно, что в юбилейных статьях 1937 года Гончаров характеризуется уже не как «певец обломовщины», а как «обличитель обломовщины». Такими же обличителями оказываются и Добролюбов, и Ленин, и сами авторы статей. В ряды «обломовцев» попадают «оппортунист», «шляпа», «прекраснодушец», «самотечник»,² «обломовцам» присущи «лень, апатия, равнодушие, отвращение к делу, безрукость».³ Эта риторика прикреплена к понятию «обломовщина» на многие десятилетия. Например, она воспроизводилась в очередной группе юбилейных публикаций, появившихся в 1962 году: «обломовщина» в них одновременно обозначала наследие крепостничества и современную общественную проблему, причем сопровождалось такое истолкование ссылками на Ленина.⁴ Впрочем, больше советским авторам на эту тему было нечего сказать: новые идеи относительно «обломовщины» появлялись разве что в работах по истории литературы и критики.

Новый всплеск интереса к понятию «обломовщина» произошел в конце 1980–1990-х годов. Как и в 1860-е, и в 1920-е годы, это понятие использовалось для осмысления исторических путей России. Оценка «обломовщины» подавляющим большинством авторов оказалась на этот раз негативной, однако значительно отличались их представления о том, чего же не хватает «обломовцам». Согласно одной из точек зрения, причина «обломовщины» — нежелание обитателей России психологически взрослеть, ведущее к вечному инфантилизму в сравнении с обогащенными опытом Просвещения жителями

¹ Петров С. Обличитель обломовщины // Коммуна (Воронеж). 1937. № 137. 17 июня.

² Викторов В. Добивайте, выжигайте обломовщину! // Курортная газета. 1937. № 137. 17 июня.

³ Обличитель обломовщины // Литературная газета. 1937. № 31. 10 июня.

⁴ См.: Рошаль А. Обличитель обломовщины // Литературный Азербайджан. 1962. № 6. С. 153; Смирнов П. Обличитель обломовщины // Северная правда. 1962. № 141. 16 июня.

Запада: «Обломовщина — не только психологический консерватизм, бегство от реальности, но и комплекс невзрождения с соответствующей идеализацией инфантилизма, но и знак восточного фатализма». ¹ Другими авторами «обломовщина» осмыслялась как «своеобразное проявление духа уныния», охватывающего лишенного веры человека. ²

В отличие от Овсяннико-Куликовского и многих авторов советской эпохи, современные исследователи не склонны отождествлять «обломовщину» и Обломова: «Осмысление романа Гончарова в 20 (отчасти уже в 19) в. шло <...> от обломовщины — к Обломову». ³ С одной стороны, это позволяет анализировать гончаровский роман более разнообразно и сложно. С другой стороны, продолжается наметившаяся уже у Добролюбова тенденция: «обломовщина» постепенно отрывается от содержания гончаровского романа и все чаще функционирует не как отсылка к нему, а как экспрессивное обозначение лени и апатии, общественных проблем и множества других явлений и процессов. В особенности заметно это в странах, где изучение романа Гончарова не входит в школьную программу, а знание его содержания необязательно. Так, калька слова «обломовщина» используется в изучении приспособляемости моллюсков. ⁴ В этой связи понятны периодические призывы вернуться к «гончаровскому» пониманию «обломовщины», ⁵ наталкивающиеся, впрочем, на невозможность определить конкретное содержание понятия на материале текста романа.

Слово «обломовщина» используется в самых разных значениях, которые невозможно свести к общему знаменателю. Более того, именно принципиальная неопределимость того, что же такое «обломовщина», и позволила этому слову столь

¹ Краснощечкова Е. А. Иван Александрович Гончаров. С. 352.

² См.: Дунаев М. М. Обломовщина духовная, душевная и телесная // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 119.

³ Туниманов В. А. «Обломовщина» и «шигалевщина». С. 103.

⁴ См.: Boss K. J. Oblomovism in the Mollusca // Transactions of the American Microscopical Society. 1974. Vol. 93. № 4: Symposium: Perspectives on the Biology of Dormancy (Oct., 1974). P. 460–481.

⁵ См., например: Фаустов А. А. Еще один штрих к «обломовщине»... // Подъем. 1988. № 2. С. 133–136.

эффективно функционировать в рамках литературной критики. Запоминающееся выражение, не обладающее точным значением, давало критикам возможность, с одной стороны, выражать совершенно разные представления об общественных функциях литературы, а с другой стороны, продолжать дискуссию об этих функциях, сохраняя хотя бы подобие общего языка. Обсуждения «обломовщины» в литературной критике определили судьбу этого слова, сделав его важным элементом литературного языка, включенным в авторитетные словари, учебники и проч. Со временем выражение «обломовщина» демократизировалось все больше и больше, постепенно отрываясь от любого гончаровского контекста. В конце концов, слово «обломовщина» стало вести в публицистике, научных работах и прочих публикациях самостоятельную жизнь, уже очень мало связанную с романом Гончарова и подлежащую изучению скорее в рамках рецепции «Обломова», а истории слов. Учитывая неопределенность и провокативность контекстов, в которых оно используется в романе, вполне можно предположить, что такое употребление отчасти соответствует гончаровскому замыслу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Айхенвальд Ю. И. Гончаров // Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья: Сб. документов и материалов. М., 2012.
2. Анненков П. В. Критические очерки. СПб., 2000.
3. Архангельский В. Обломовщина // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8. Стлб. 165–172.
4. Богданов К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.
5. Васильева С. А. Что такое «обломовщина»? // Обломов. Константы и переменные: Сб. науч. статей. СПб., 2011. С. 229–234.
6. Викторов В. Добивайте, выжигайте обломовщину! // Курортная газета. 1937. № 137. 17 июня.
7. Гончаров И. А. Необыкновенная история // Литературное наследство. М., 2000. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 184–304.
8. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2000. Т. 4.
9. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954–1955. Т. 7, 8.

10. Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1881. Т. 2.
12. Дунаев М. М. Обломовщина духовная, душевная и телесная // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 113–124.
13. Зубков К. Ю. Лакуны учебника: роман «Обломов» в средней школе // Русская литература. 2012. № 2. С. 43–44.
14. Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Изд. 3-е. СПб., 1911. Т. 1.
15. Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избр. статьи: В 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 23–44.
16. Кранихфельд В. П. И. А. Гончаров // Современный мир. 1912. № 6. С. 317–320.
17. Краснощечкова Е. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
18. Ленерт Х. Судьба социологического направления в советской науке о литературе и становление соцреалистического канона: «Переверзевщина» / «Вульгарный социологизм» // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 320–338.
19. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1970. Т. 45.
20. Лесной А. Творец «обломовщины» // Поволжский вестник. 1912. № 1764. 6 июня.
21. Майков В. Н. Литературная критика. Статьи, рецензии. Л., 1986.
22. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. СПб., 1902. Т. 1.
23. Нечкина М. В. Ленин об обломовщине // Правда. 1937. № 165. 17 июня.
24. Новый [Виноградов С. В.] Певец обломовщины // Оренбургская газета. 1912. № 124. 6 июня.
25. Овсянко-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
26. Овсянко-Куликовский Д. Н. Поэт обломовщины // Неделя «Современного слова». 1912. № 216. 28 мая. С. 1817–1820.
27. Отрадин М. В. Гончаров в юбилейной литературе 1912 года // Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 639–671.
28. Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма. М., 1989.
29. Перцов В. «Что такое обломовщина?» К семидесятой годовщине смерти Н. А. Добролюбова // Литературная газета. 1931. № 64. 27 нояб.
30. Петербургский листок. 1912. № 103. 16 апр.

31. Петров С. Обличитель обломовщины // Коммуна (Воронеж). 1937. № 137. 17 июня.
32. Пиксанов Н. К. Обломовщина // Гончаров И. А. Обломов. М.; Л., 1927. С. 3–37.
33. Платт Дж. Б. Здравствуй, Пушкин!: Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб., 2017.
34. Пособие при преподавании истории русской словесности / Сост. Е. Судовщиков. Киев, 1863.
35. Программы средней школы. Русский язык и литературное чтение (V–VII классы). Литература (VIII–X классы). Доп. испр. изд. М., 1938.
36. Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962.
37. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сб. статей. Л., 1991.
38. Рошаль А. Обличитель обломовщины // Литературный Азербайджан. 1962. № 6. С. 153.
39. Рыбасов А. П. Страстный обличитель обломовщины // Ленинградская правда. 1937. № 138. 17 июня.
40. Смирнов П. Обличитель обломовщины // Северная правда. 1962. № 141. 16 июня.
41. Топ-ский. Современная обломовщина. (По поводу чествования Академией наук И. А. Гончарова) // Волянь. 1912. № 114. 26 апр.
42. Туниманов В. А. «Обломовщина» и «шигалевицина» // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. № 18. С. 96–104.
43. Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930.
44. Фаустов А. А. Еще один штрих к «обломовщине»... // Подъем. 1988. № 2. С. 133–136.
45. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950.
46. [Б. п.] Обличитель обломовщины // Литературная газета. 1937. № 31. 10 июня.
47. Boss K. J. Oblomovism in the Mollusca // Transactions of the American Microscopical Society. 1974. Vol. 93. № 4: Symposium: Perspectives on the Biology of Dormancy (Oct., 1974). P. 460–481.
48. В. О., W. Sz. [Olaszek B., Szcukin W.] Обломовщина // Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia. Łódź, 2000. Т. 3. С. 282–288.
49. Peace R. A. Oblomov: A Critical Examination of Goncharov's Novel. Birmingham, 1991.
50. Terras V. Belinskij and Russian Literary Criticism. The Heritage of Organic Aesthetics. Madison, 1974.